

— Похоже, из Крыма придется уходить. — Полковник Тарасов встал из-за стола и прошелся по кабинету. — Сегодня ночью фашисты прорвали нашу оборону на Перекопе. Получено сообщение...

Все, кто находился в кабинете, а их, помимо полковника Тарасова, было восемь человек, переглянулись и встревоженно зашумели. То, что сообщил Тарасов, было для них новостью.

— Да, товарищи! — мрачно подтвердил полковник. — Такие, значит, дела... Коль они прорвали перекопские укрепления, то, значит, через несколько дней будут здесь, в Симферополе. И удержать их нам вряд ли удастся. От Перекопа почти до самого Симферополя — ровная степь. Зацепиться не за что... К тому же наши части обескровлены и потрепаны, не хватает боеприпасов...

Полковник умолк и бездумно посмотрел в окно. За окном шел дождь — унылый, осенний, нескончаемый. На редкость дождливая

осень выдалась в Крыму в 1941 году. В каком-то смысле это было хорошо. Раскисшие крымские дороги не давали немцам продвигаться слишком быстро, их техника вязла в глинистой крымской почве, приходилось тратить немало сил и времени, чтобы выволить ее из цепких объятий крымской земли. Но, конечно, погодных условий было мало, чтобы остановить продвижение врага. А значит, нужно было готовиться к неизбежному — уходу из Симферополя и вообще из Крыма. И дальше, на восток, за Керченский пролив...

— Вот такая складывается ситуация. — Полковник Тарасов отвернулся от окна и оглядел по очереди всех, кто был в кабинете. — Уже получен приказ — готовиться к отступлению. Всем — и армейским частям, и нам, НКВД. Так что сами понимаете... Потому я вас и собрал. Разумеется, наше отступление — дело временное. Мы обязательно вернемся и погоним фашистских гадов с нашей земли. Но... — Полковник Тарасов умолк и опять бесцельно стал смотреть в окно. — Когда это будет? Может, через месяц, а может, через два или три года... Никто этого не знает. Вот потому мы и оставляем здесь группы сопротивления. Война — она не только там, — полковник указал рукой куда-то вдаль. — Она и здесь, во вражеском тылу. И воевать здесь еще труднее, чем на линии огня. Там-то, по крайней мере, понятно, кто враг, а кто боевой товарищ.

А вот здесь... — Тарасов махнул рукой. — Майор Колодезев!

— Я! — встал из-за стола Колодезев.

— Доложите обстановку! — велел полковник. — Вы понимаете, о чем я говорю?

— Так точно, — спокойно и неторопливо ответил майор.

Он вообще был человеком спокойным, целеустремленным, исполнительным и обстоятельным. Оттого ему и поручили столь важное задание — организацию подполья в Крыму. В частности — в Симферополе как главном городе полуострова.

— Значит, так, — откашлялся Колодезев. — На данный момент мы организовали шесть партизанских отрядов. Для них готово все необходимое — склады с оружием и продовольствием, места базирования. Можно начинать воевать хоть завтра. Но... — Майор помолчал и продолжил: — Места здесь не партизанские, вот ведь какая беда. Укрыться особо негде.

— Как так негде? — возразил кто-то из присутствующих. — А горы? А лес в горах?

— Сколько там тех гор, и сколько там того леса! — вздохнул Колодезев. — Так, самая малость. Это вам не Полесье и не брянские чащи. Это Крым. Пятачок земли, можно сказать. Да и к тому же все окрестные леса и все горы исхожены народом вдоль и поперек. Во все стороны расходятся дороги! А где нет дорог, там

тропинки. Очень удобно для туристов и разного гуляющего народа. А значит, и для немцев. И попробуй укройся в тех горах и лесах!

— Так что же делать? — спросил кто-то из присутствующих.

— Воевать, — спокойно ответил Колодезев. — Но воевать с умом. Оттого что большому количеству людей будет негде спрятаться, мы слишком больших партизанских отрядов и не организовывали. Два-три десятка человек в каждом отряде... Тогда в случае чего и укрыться будет легче.

— Много ли навоюешь с таким количеством бойцов! — хмыкнул кто-то из присутствующих.

— Если умеючи, то много, — возразил Колодезев. — Двадцать-тридцать человек — оптимальное количество для совершения диверсий. Взорвали, допустим, склад с горючим и разбежались в разные стороны. И найди их, когда они поодиночке уходят... А на завтра собрались в условленном месте и еще одну диверсию устроили. Ну, и так далее. Вот такая предполагается партизанская тактика. Конечно, пока это все теоретически. А как оно будет на самом деле, жизнь покажет. — Колодезев умолк и вздохнул.

— И что же, помимо диверсий больше никаких способов борьбы с врагом не предполагается? — въедливо поинтересовался кто-то из присутствующих.

— Говорю же, завтрашний день покажет, — терпеливо произнес Колодезев. — Но, во вся-

ком случае, брать штурмом Симферополь бойцы не будут. Такой задачи мы перед ними не ставили. — Майор грустно усмехнулся.

— Докладывайте дальше, — сказал полковник Тарасов.

— А дальше — подпольные группы в городе, — продолжил майор Колодезев. — На них мы возлагаем большие надежды. Может, даже еще большие, чем на партизан. Почему? Потому что в городе укрыться легче, чем в декоративных крымских горах. На сегодняшний день нами организованы четыре подпольные группы, которые начнут действовать, как только враг захватит город. — Колодезев опять тяжело вздохнул. — Мы обеспечили их всем, что нужно для борьбы: оружием, взрывчаткой, продовольствием, даже рацией. Само собою, имеются явочные квартиры, пароли, способы связи друг с другом и партизанами... Численность групп, опять же, небольшая, но слишком много народу и не нужно. Большое количество людей будет демаскирующим фактором, — пояснил майор. — Конечно, в случае надобности группы могут пополняться из местного населения. Это обычная практика подпольной борьбы.

— Вы сказали — четыре группы... — произнес кто-то из присутствующих.

— Да, четыре, — подтвердил майор. — Причем каждая группа может действовать автономно. У нее свое собственное название, свои явки

и пароли, свои места хранения оружия... То есть члены какой-то одной группы ничего не знают о другой, третьей и четвертой группах. А те, в свою очередь, ничего не знают о других группах.

— Но это уменьшает возможности для борьбы! — возразил кто-то из присутствующих. — Сообща можно сделать намного больше!

— Может, и так, — согласился Колодезев. — Но зато подобная организация подполья увеличивает живучесть каждой группы. Допустим, одна из групп провалится и ее участников разоблачат и арестуют. А это очень даже возможно, сами понимаете... Так вот — разоблачат и арестуют. Но зато останутся другие группы. Потому что никто из арестованных не сможет ничего сказать немцам о других группах. Он их просто не будет знать! А стало быть, оставшиеся три группы продолжат борьбу.

— Что-то я вас не понимаю! — с сомнением произнес один из присутствующих. — Вы сказали — никто из арестованных не сможет ничего сказать о других группах. Вы что же, предполагаете, что среди подпольщиков могут оказаться предатели?

— Я предполагаю все, в том числе и это! — прежним спокойным тоном пояснил Колодезев. — Да и как не предполагать? Люди — всегда люди. В том числе и подпольщики. Кто-то может оказаться и предателем. Так что приходится учитывать и это обстоятельство.

— Но зачем же набирать для подпольной борьбы предателей! — негодуяще произнес чей-то голос.

— А вы что же, знаете способ заглянуть в человеческую душу? — с грустной иронией спросил Колодезев. — Ну, так поделитесь, если знаете. Будем знать и мы.

Никто из присутствующих не произнес на это ни слова.

— Ну, что же, — сказал полковник Тарасов. — Будем считать, что совещание закончено. Не время расслаживаться. — Он опять покосился в окно, за которым продолжал моросить нескончаемый осенний дождь. — Прошу всех отправиться по местам и заняться своими обязанностями. То есть готовиться к отступлению из города. Каждый из вас знает, что ему делать.

Это было последнее совещание симферопольского отдела НКВД. Через день советские войска покинули город, и в Симферополь вошли немцы.

2

Как боролись с фашистами симферопольские партизаны и подпольщики, какие подвиги они совершили, как приближали общую Победу, что выстрадали и перенесли — о том знает история. Мы же хотим сказать о другом, а именно о некоторых моментах этой борьбы.

Весной 1943 года одна из симферопольских подпольных групп, носившая название «Чатыр-Даг» (так называется гора в окрестностях Симферополя), была разоблачена гестаповцами. Спасти удалось лишь нескольким ее участникам, остальные же были схвачены и расстреляны. Каким образом фашистам удалось выйти на след подпольщиков, кто им в этом помог — так и осталось тайной. Да и кто бы ее стал разгадывать, эту тайну? И как ее можно было разгадать в сорок третьем году, в самый разгар фашистской оккупации? На войне как на войне — без смертей не бывает.

Оставшиеся три подпольные группы продолжали действовать. Впрочем, их было уже и не три, а гораздо больше — так гласит та же история. Еще несколько подпольных групп образовались в городе стихийно, сами по себе, без всякого участия и направляющей руки советской власти. Потому что не было в тот момент в городе никакой советской власти, а была совсем другая власть — фашистская.

В начале весны 1944 года фашистами была разоблачена еще одна подпольная группа — «Салгир». Опять же были схвачены почти все ее участники, лишь пятерым удалось спастись. Разоблачение было тем более неожиданным и досадным, что близился час освобождения Крыма и, соответственно, Симферополя. По сводкам, советские войска наступали на перекопские

укрепления и вот-вот готовы были их прорвать, а потом устремиться вглубь полуострова до самого Симферополя и еще дальше — до самого побережья. Фашистским войскам, как и советской армии в 1941 году, не за что было зацепиться в крымской степи, доходившей почти до самого Симферополя, а поэтому освобождение Крыма предполагалось стремительным и скорым.

И вот надо же такому случиться — подпольная группа «Салгир» была разоблачена, а ее участники арестованы! Да притом так быстро, что никто из подпольщиков и опомниться не успел! Мигом и одновременно налетели, всех схватили и, почти не допрашивая, всех участников группы на следующий же день расстреляли. Как гестаповцам удалось разоблачить группу, кто им в этом помог? Вот вам еще одна тайна вдобавок к тайне раскрытия подпольной группы «Чатыр-Даг», которую разоблачили ранее.

Советские войска вошли в Симферополь в начале апреля. Через несколько дней после освобождения города встретились четверо из оставшихся пяти подпольщиков разгромленной подпольной группы «Салгир». Их звали Ласточка, Лихой, Абдулла и Стратег. Ласточкой была женщина, остальные — мужчины. Конечно, все это были подпольные клички. Сейчас, после освобождения города, особой надобности в кличках не было, но подпольщики к ним привыкли, клички за годы оккупации стали их вторыми именами,

и поэтому они обращались друг к другу именно так — называя друг друга по кличкам. Пятого оставшегося в живых подпольщика Бильярди-ста с ними не было. Ласточка, Лихой, Стратег и Абдулла его искали, но не смогли найти. Куда он подевался, никто из них не знал.

По привычке четверка собралась на явочной квартире, которую, впрочем, теперь можно было называть бывшей явочной квартирой. Предстоял важный разговор — о недавнем разгроме фашистами подпольной группы «Салгир». Вопросов, которые подпольщики хотели обсудить и получить на них хотя бы гипотетические ответы, было много, и все это были очень важные вопросы. Как так получилось, что группу вычислили и разгромили? Откуда фашистам стало известно о группе? Почему разгромили именно их группу — ведь в городе действовали и другие подпольные группы? Кто именно в них входил, ни Ласточка, ни Лихой, ни Абдулла, ни Стратег не знали, они лишь знали, что в городе помимо них сражаются и другие подпольщики. Может, кто-то донес? Но тогда — кто именно? Вопросов было множество, а вот ответов — пока что ни одного.

— Вот ведь что интересно и непонятно, — проговорил Стратег. — Арестовали почти всех, и притом одновременно! Такое впечатление, что арест готовился загодя!

— Так оно и есть, — согласился Лихой. — Это была продуманная и спланированная гестапов-

ская операция. Никакой случайности здесь быть не может. Случайность — это когда арестовали кого-то одного. Ну, или двоих... А нас накрыли почти всех. Какая уж тут случайность?

— Значит, они о нас знали, — сказала Ласточка.

— Что значит знали? — вскинулся Абдулла. — Откуда они могли знать? Кто им сказал?

— Вот это нам и предстоит выяснить, — вздохнула Ласточка. — Для того мы и собрались.

— Ты понимаешь, о чем говоришь? — запальчиво воскликнул Абдулла. — Ты предполагаешь, что среди нас есть предатель, который донес в гестапо на наших товарищей! Кто он? Может, я? Или кто-то из вас?

— Не знаю, — развела руками Ласточка. — Если бы я знала...

— А тогда зачем говорить такие слова? — все с той же запальчивостью спросил Абдулла. — Если не знаешь, зачем говоришь? Зачем обижаешь подозрением людей?

— Но ведь гестаповцы откуда-то узнали о нас, — с грустной безнадежностью возразила Ласточка. — Как они могли узнать?

В квартире установилась напряженная тишина. Все молчали, и никто не смотрел друг на друга. Все думали об одном и том же — как так получилось, что их группа оказалась разгромленной?

— Я знаю, о чем мы сейчас все думаем, — наконец произнес Стратег. — Мы думаем о том,

кто из нас — предатель. Ведь так? Вот видите, вы все — молчите... Значит, я прав. А это нехорошо. Неправильно. Не надо нам подозревать друг друга. Ни у кого из нас нет доказательств, что кто-то из нас гестаповский осведомитель. Или есть? — Он по очереди взглянул на каждого из собеседников. — Вот видите — нет доказательств... А подозрения — это не доказательства. В подозрениях без доказательств всегда таится ложь.

— И что же ты предлагаешь? — угрюмо спросил Лихой.

— Я предлагаю спокойно разобраться в ситуации, — ответил Стратег. — Без ненужных подозрений и обвинений. Насколько это возможно... Да и кого подозревать? Все мы здесь люди проверенные и испытанные. Ведь сколько всем нам пришлось пережить за эти годы! Почти каждый день — как по лезвию... Какое уж тут предательство?

— А Бильярдист? — спросила Ласточка.

— А что Бильярдист? — не понял Стратег. — Бильярдист то же самое, что и мы, — проверенный товарищ.

— Но ведь его с нами нет... — сказала Ласточка.

— И что с того? — пожал плечами Стратег. — Ну, нет. Не нашли мы его. Мало ли где он может быть! Мало ли какие у него дела! В конце концов, он не знает о нашем совещании. Никто из вас не знал. Это ведь я вас всех собрал. Ну и вот: вас собрал, а его не нашел. Только и всего.

— А может, и предателя-то никакого нет вовсе, — отозвался Лихой. — Я вот что думаю... Почему мы решили, что предатель среди нас?

— Никто ничего не решил! — перебил Лихого Абдулла. — Кто предатель? Ты? Я? Она?

— Вот и я о том же, — терпеливо произнес Лихой. — Ни я, ни ты, ни она... А допустим, кто-то из тех, кого арестовали и расстреляли.

— Это как так? — не понял Стратег.

— А вот так, — проговорил Лихой. — Он нас предал, а они его расстреляли. Фашисты. Они и своих стреляют. Что с них возьмешь?

— Ну, это вряд ли, — засомневался Стратег. — Зачем им пускать в расход такого ценного человека? Разумнее оставить его живым в нашем же городе. Или в каком-нибудь другом. Чтобы он всячески вредил и шпионил. Война-то еще не окончена.

— Может, и так, — согласился Лихой. — А может, и не так. Поди разберись. А разбираться надо. Потому что если предатель есть и он жив и находится где-то поблизости, то представляете, сколько бед он может натворить! Да и несправедливо оставить его неразоблаченным. По его вине погибли наши товарищи, а он жив...

— И что же нам делать? — спросила Ласточка.

— Искать иуду, — сказал Лихой. — Что же еще?

— И как мы будем это делать? — поинтересовалась Ласточка.

— Вот чего не знаю — того не знаю! — вздохнул Лихой.

— Зато я знаю! — сказал Стратег. — Будем проверять друг друга. Ну, и заодно Бильярди-ста... Не подозревать понапрасну и не обвинять огульно, а именно проверять — серьезно, тщательно и вдумчиво.

— Это как так? — спросил Абдулла.

— Путем логических рассуждений, — сказал Стратег. — Только так и никак иначе. Потому что в противном случае перегряземя и начнем подозревать друг друга в иудстве. Всерьез и основательно. И что будет дальше — неведомо. Может, вцепимся друг другу в горло, может, станем доносить друг на друга властям, может, еще как-то по-иному поступим... Не имея на все перечисленное мною никаких оснований, кроме недоверия друг к другу и взаимной ненависти.

— Значит, открываем следствие по делу разгромленной подпольной организации под названием «Салгир»? — иронично произнес Лихой. — Ну-ну... И кто же будет у нас главным следователем?

— Все мы будем следователями! — воскликнул Абдулла. — Ты — для меня, я — для тебя!

— Много же мы расследуем таким-то способом! — еще с большей иронией произнес Лихой. — Ты будешь врать мне, я — тебе...

— Я не буду тебе врать! — с яростной энергией воскликнул Абдулла. — Зачем мне врать? Я честный человек!

— И я тоже честный человек, — покачал головой Лихой. — И все мы здесь честные люди. Но наших товарищей все же кто-то предал...

— Просто-таки буржуйский детектив! — печально усмехнулась Ласточка. — До войны я училась в институте, изучала филологию. Так что знаю... В литературе очень любят такие сюжеты. В одном помещении находятся несколько человек, и один из них убийца... Ну, или предатель, неважно. И вот его-то надо изобличить путем логических рассуждений. А только у нас не выдуманная детективная история. У нас — жизнь. И потому не надо нам играть в буржуйских детективов. Ничего у нас не получится. Правильно сказал Стратег — вцепимся мы друг другу в горло, и притом очень быстро. А кто предатель — так и останется невыясненным. То-то он порадуетя от такого расследования! А заодно и его хозяева — фашисты.

— Так что же нам делать? — растерянно спросил Стратег.

— Рассказать обо всем настоящему следователю, — предложила Ласточка. — Со стороны. Пускай он и разбирается. А мы будем ему помогать. А кто-то, возможно, будет и мешать... Или просто отойдем в сторону и подождем, чем кончится расследование. Как бы там ни было — так все равно будет правильнее и разумнее.

— И где же мы его возьмем — такого следователя? — спросил Абдулла.

— Обратимся к советской власти, — ответила Ласточка. — К нам ведь вернулась советская власть, не так ли? Вот и попросим у нее помощи. Думаю, представители власти откликнутся на нашу просьбу. Ведь дело важное.

— Это точно, — согласился Стратег. — Уж куда важнее! Так что же, все вместе и пойдем просить помощи?

— Хочешь — иди один, — сказала Ласточка. — Ты нас здесь собрал, тебе и проявлять дальнейшую инициативу. А могу сходить и я. Или, скажем, Лихой. Или — Абдулла.

— Давай уж ты, — предложил Стратег Ласточке. — Коль ты выдвинула эту идею, то и ступай.

— Что ж, могу и я, — сказала Ласточка. — Если, конечно, никто из вас не против.

— Я не против, — помолчав, произнес Лихой. — Мысль мне кажется разумной. Так что ступай.

— Иди, — поддержал идею и Абдулла. — И пускай советская власть поскорее найдет этого иуду! А то ведь он где-то рядом! А наши товарищи — мертвы...

3

— Да не волнуйтесь вы так, — сказал полковник Колодезев, встал и прошелся по кабинету. — То, что вы говорите, очень интересно и важно. А вот рассказываете вы сбивчиво и путанно. Это

потому, что вы волнуетесь. Зачем же волноваться? Вы обратились по адресу, а потому давайте будем говорить спокойно и обстоятельно.

Да, это был тот самый Колодезев, который в сорок первом году организовывал подполье в Симферополе и партизанские отряды в Крымских горах. Война пока щадила его, он был жив и вновь вернулся в Симферополь вместе с Красной армией. Правда, теперь он был уже не майором НКВД, а армейским полковником и возглавлял разведку в воинской части, которая освободила город.

— Да, — ответила Ласточка, — конечно... Я постараюсь быть спокойной. Я понимаю... Хотя тут такое дело, что трудно соблюдать спокойствие...

— Ну, вы же опытная подпольщица и разведчица, — улыбнулся Колодезев. — Значит, выдержки вам не занимать. Кстати, как вас зовут по-настоящему? Теперь-то уж можно...

— Марией.

— Вот что, Машенька, — мягко произнес Колодезев и сел напротив женщины. — Повторюсь: вы обратились по адресу — это первое. Второе: вы правильно сделали, что обратились к нам. Дело действительно важное. Третье: мы обязательно вам поможем. Но только помогать буду не я, а другие люди, понимаете? Я из разведки, а здесь нужен специалист другого профиля. Слышали такое слово — СМЕРШ? Не слышали? Рас-

шифровывается так: смерть шпионам. Вот ребята из СМЕРШа и помогут вам найти предателя. Там люди надежные, и дело свое они знают. Сейчас я кое-куда позвоню, и скоро они к нам явятся. А мы их подождем.

Полковник Колодезев подошел к телефону и негромко сказал несколько слов в трубку.

— Скоро они будут, — сказал он.

— Хорошо, — кивнула Ласточка, помолчала и сказала: — Смерть шпионам... Они что же, ловят шпионов?

— И шпионов, и предателей, и дезертиров, и прочую им подобную публику, — подтвердил Колодезев. — Так что и вашего гестаповского агента тоже найдут. Уж будьте уверены.

— Хорошо бы, — сказала Ласточка. — А то ведь как жить, когда он где-то рядом?

Колодезев взглянул на женщину, будто хотел что-то ей сказать, но не сказал, потому что в дверь постучали.

— Не заперто! — громко произнес полковник. — Так что входите.

Дверь отворилась, и на пороге возник офицер. Он был молод и как-то по-особенному стремителен в движениях, чем походил на какого-то дивного зверя, постоянно готового к прыжку. За считанные мгновения он оглядел кабинет, остановил короткий взгляд вначале на Ласточке, а затем на Колодезеве, поднес руку к козырьку фуражки и отрекомендовался:

— Капитан Ольхин, начальник отделения группы СМЕРШ.

— Проходите, — сказал Колодезев и указал на женщину: — Знакомьтесь: Мария, она же Ласточка. Член подпольной группы «Салгир», действовавшей в Симферополе во время фашистской оккупации.

Капитан Ольхин выстрелил в женщину взглядом, ничего не сказал и лишь по-гусарски изысканно склонил голову. А затем выжидательно взглянул на Колодезева.

— Да вы смотрите не на меня, а на нее, — улыбнулся полковник. — Потому что вы нужны не мне, а ей. Это не у меня беда, а у нее. И вам предстоит помочь Маше в ее беде. Работа как раз по вашей специальности. Так что забирайте Ласточку к себе да и начинайте. А вы, — Колодезев глянул на женщину, — не волнуйтесь, говорю вам это еще раз. Все будет хорошо, вот увидите.

— Спасибо вам, — сказала Ласточка, встала и вопросительно посмотрела сначала на полковника, потом на капитана. — И куда же мне теперь?

— Подождите меня за дверью, — коротко попросил Марию Ольхин. — Всего одну минуту...

Ласточка вышла, а Ольхин молча стал смотреть на Колодезева, ожидая разъяснений.

— Подпольную группу, участницей которой она была, разоблачили, арестовали и расстреляли месяц назад, — пояснил полковник. — Почти пе-

ред нашим приходом. В живых из группы остались лишь пять человек. Скорее всего, их кто-то предал. Потому что арестовали одновременно всех. Кроме этих пятерых. Случайностью такой факт назвать очень трудно. Так считают они сами, да и я уверен в том же. Очень может статься, что предатель, он же завербованный гестаповский агент, — кто-то из них. Во всяком случае, вчера они организовали совещание по этому поводу, но чтобы не подозревать друг друга понапрасну, обратились к нам за помощью. Такие вот дела.

— Это все? — коротко поинтересовался Ольхин.

— А что, вам мало? — скептически спросил Колодезев.

— Наоборот, много, — ответил капитан. — Есть где разгуляться и от чего оттолкнуться.

— Вот и действуйте. А если что — обращайтесь. Чем смогу — помогу. И вообще, держите меня по возможности в курсе. Все-таки одно дело делаем. Воюем.

4

В апреле в Крыму настоящая весна. Цветут деревья, зеленеет трава, весеннее солнце просвечивает насквозь первые листья. Кругом птичий гомон, дует теплый ветер, который пахнет теплым камнем и недалеким морем. Красота,

благодать, покой, будто и нет никакой войны, стрельбы, крови, смертей...

Капитан Ольхин и Ласточка неторопливо шли по симферопольской улочке. У них был важный разговор. Конечно, гораздо удобнее и правильнее было бы беседовать где-нибудь в тиши кабинета, но у Ольхина не было никакого кабинета, да и не предполагалось. Во-первых, где его взять, тот тихий и уютный кабинет в городе, только-только освобожденном от фашистов? А во-вторых, никакой кабинет капитану Ольхину был не нужен. Он почти круглосуточно был на ногах. В Симферополе, как и в любом освобожденном советском городе, для Ольхина всегда находилась работа. Фашисты, отступая, оставляли в таких городах своих людей: замаскированных шпионов, диверсантов. Кроме них в освобожденных городах таились еще всяческие бывшие полицаи и прочие вражеские прислужники, по каким-то причинам не отступившие вместе со своими хозяевами. Да и разной прочей публики, которую не радовал приход Красной армии, также хватало. Вот это и были те враги, с которыми сражался сотрудник СМЕРШа капитан Ольхин. Здесь и была его линия фронта. Так что какие уж тут кабинеты!

— Давайте все по порядку, — сказал Ольхин Ласточке. — Не упуская по возможности никаких мелочей. Мне нужно представить всю картину произошедшего. А картина как раз и состоит из мелочей.

— Я понимаю, — сказала Ласточка. — И я стараюсь. Но все равно какую-нибудь мелочь я упущу. Обычно так и бывает. Вот если бы вы поговорили со всеми нами разом... Ну, с теми, кто остался жив...

— Может, и поговорю, — сказал Ольхин. — Но пока я хочу поговорить с вами. А чтобы вам было легче припомнить, поступим так. Я буду задавать вопросы, а вы — на них отвечать. Вы не возражаете?

— Да, так будет проще, — согласилась Ласточка.

— Отлично. Тогда такой вопрос. Когда была разгромлена ваша подпольная группа? Мне нужно знать точное время.

— В ночь с седьмого на восьмое марта.

— Как это случилось?

— Как случилось? — печально переспросила Ласточка. — Все произошло просто и, если можно так сказать, прозаично. Ночью в дома ворвались солдаты и почти всех подпольщиков из группы арестовали. Причем в одно и то же время.

— Сколько человек было арестовано?

— Двенадцать.

— А скольких не арестовали?

— Вместе со мной — пятерых.

— Угу... А почему не арестовали вас?

— Именно меня?

— Да, именно вас.

— Меня в ту ночь не было в городе.

— И где же вы были? — Ольхин стрельнул в Ласточку взглядом.

— В деревне, — ответила Ласточка. — Недалеко от Симферополя есть деревня, называется Агармыш. Вот там я и была в ту ночь.

— И что вы там делали?

— Там живет моя мама. Я иногда ее навещаю. Она больна, а помочь ей, кроме меня, некому. Ну, вы понимаете...

— Понимаю. А по какой причине не арестовали остальных четверых?

— В общем, всех по той же самой причине, что и меня. В ночь ареста они не ночевали дома. По крайней мере, так они сказали.

— Что, не ночевали все четверо?

— Насчет всех четверых не знаю. Не ночевали Стратег, Лихой и Абдулла. Ну, и я.

— И где же провели ту ночь эти трое?

— Я не знаю... Думаю, что вам лучше спросить у них самих.

— Обязательно спросим! — Капитан вновь бросил быстрый взгляд на Ласточку. — Вы ничего не сказали еще об одном человеке — о пятом...

— Да, о пятом... Пятый — это Бильярдист. Такая у него подпольная кличка. Мы все друг друга называли больше по кличкам, чем по именам. В целях конспирации.

— Значит, Бильярдист... — задумчиво вымолвил Ольхин. — Хорошая кличка, веселая... Ну, и почему же не арестовали его?

— Думаю, по той же самой причине, что и всех других. Не нашли. Хотя — точно не скажу.

— Почему же?

— После разгрома группы все, кто не был арестован, затаились. Кто где... В основном — у знакомых и родственников. И, конечно, друг с другом не общались. Ну, а когда пришли наши, мы выбрались из своих укрытий, встретились, разузнали, кого именно арестовали, а кто остался цел, договорились о повторной встрече. На встречу пришли все, кроме Бильярдиста.

— Но, может, его арестовали тоже?

— Нет, не арестовали. Его видел один из наших — Стратег. Уже после того, как освободили город. И пригласил на встречу. Но он почему-то не пришел.

— Вы считаете это подозрительным? — спросил Ольхин.

— Нет, не считаю, — ответила Ласточка. — Мало ли почему он не пришел? Наверно, была причина...

— Хорошо... Как и где можно увидеть ваших товарищей?

— Это просто, — сказала Ласточка. — Завтра ровно в десять часов они будут ждать меня на нашей явочной квартире. Бывшей явочной квартире, — поправилась женщина. — Я должна буду доложить результаты моего визита к вам. Будут все, кто остался жив. — Она запнулась и судорожно вздохнула. — Кроме, наверное, Бильярдиста.

— Где находится ваша явочная квартира? — спросил капитан.

— Улица Старая, дом номер восемь, — ответила Ласточка.

— Угу...

Какое-то время они шли молча. Город жил своей жизнью и своими новыми, изрядно подзабытыми за время оккупации заботами. Куда-то спешили люди, по старым, еще до революции вымощенным мостовым тархтели повозки, запряженные в основном ослами, слышались разговоры и даже изредка смех. Город постепенно, осторожно, исподволь приходил в себя, будто еще не веря, что война для него закончилась и теперь наступает новая, мирная жизнь, в которой уже не надо никого и ничего бояться, можно идти куда захочется и даже — смеяться.

— А почему именно вы пришли к нам, а не кто-то другой? — спросил Ольхин.

— Это была моя идея, — сказала Ласточка. — Ну, меня и уполномочили...

— А что, были и другие идеи?

— Были.

— Например, какие?

— Поиграть в буржуйский детектив. — Ласточка усмехнулась.

— Это как? — взглянул на женщину капитан.

— Постараться изобличить друг друга в предательстве, — пояснила женщина. — Вы стараетесь изобличить меня, я — вас.

— Вот как. — Ольхин тоже усмехнулся. — Интересная игра... И почему же не стали в нее играть?

— Потому что бессмысленно. Это только в книжках получается все гладко, а на самом деле мы бы перегрызлись и перессорились уже через час такой интересной игры. И не добились бы никакого толку. Только возненавидели бы друг друга. А предатель так и остался бы неразоблаченным.

— Вы считаете, что было предательство? — поинтересовался Ольхин.

— Фашисты знали, где мы живем, — пожалала плечами Ласточка. — Все из нашей группы «Салгир». Значит, кто-то им об этом сказал. Как видите, все просто.

— Да, просто... Скажите, в городе действовала только одна подпольная организация — ваша?

— Нет, — помолчав, ответила Ласточка. — Были и другие. Но мы о них почти ничего не знали. Просто об их существовании догадывались. Вот, скажем, расклеил кто-то ночью листовки. Но не мы. Значит, кто-то другой. А так-то мы с ними не общались. Такова была инструкция. В целях конспирации. Хотя об одной такой группе мы все же узнали.

— Расскажите об этом подробнее.

— Подробности известные, — горько усмехнулась Ласточка. — В сорок третьем году фашисты арестовали подпольщиков. Примерно так же, как и наших — всех разом. И, конечно, подняли

шум на весь город. «Мы, — орала она, — изобличили и уничтожили большевистскую подпольную банду под названием «Чатыр-Даг!»» Вот так мы и узнали, что в городе, кроме нас, есть и другие подпольщики.

Они замолчали и остановились на перекрестье двух улиц. По одной улице с грохотом двигалась запряженная осликом двухколесная повозка, нагруженная всяческим домашним скарбом. Рядом с повозкой шли две женщины, старик и трое ребятишек, и каждый как мог помогал ослику в его нелегкой работе. Кто-то толкал кибитку сзади, кто-то понукал ослика, кто-то подбирал то и дело выпадавший из кибитки скарб. Было шумно и весело, люди подбадривали друг друга и все вместе — ослика и смеялись.

— Вот, — сказала Ласточка, — народ возвращается в свои дома. У кого они остались...

Ольхин ничего не ответил, он смотрел на веселую громогласную повозку и, похоже, думал о чем-то своем.

— А теперь — самый главный вопрос, — сказал он, взглянув на Ласточку и даже на какое-то лишнее мгновение задержав на ней взгляд. — Как, по-вашему, кто предатель?

— Я... — не сразу ответила Ласточка. — И те четверо, что остались в живых, тоже.

— Ну, а если без обобщений?

— А если без обобщений, то никто. Все люди проверенные и надежные. Каждый из нас не раз

прикрывал спину другому, рисковал своей жизнью ради другого... Как я могу кого-то заподозрить в предательстве?

— Да, но с другой стороны... — осторожно возразил Ольхин.

— Будь она проклята, эта другая сторона! — запальчиво произнесла Ласточка. — Извините... Да, другая сторона... Но и в этом случае я не могу никого заподозрить. Кого мне подозревать? Стратега? Лихого? Абдуллу? Может, Бильярди-ста? Или себя? Вы знаете, я не смогу. Это сильнее меня. Так что уж лучше подозревайте всех нас вы. Думаю, у вас это получится лучше. У вас такое грозное название — «смерть шпионам»! А мы чем сможем, поможем. Конечно, если вы нам доверите такую миссию — помогать вам. А то ведь, наверно, мы все у вас под подозрением.

Ольхин ничего не ответил на этот эмоциональный женский монолог. Он спокойно выслушал Ласточку, рассеянно посмотрел по сторонам и спросил:

— Скажите, а вы во время оккупации знали, где кто из вас живет?

— Мы старались не говорить друг другу своих адресов, — ответила Ласточка. — Такова была инструкция. Мы всегда встречались на явочной квартире.

— А вот, скажем, если бы вы захотели узнать, кто где проживает, — это можно было бы сделать?

Женщина в недоумении уставилась на Ольхина.

— Но зачем?

— Ну, скажем, чтобы предоставить адреса гестаповцам. Допустим, они вас хорошенько об этом попросили, вы и постарались.

— Вот у вас и образовался первый подозреваемый в моем лице, — горько усмехнулась Ласточка. — Что ж, все правильно... Как говорится, заслужила...

— Ни вас, ни кого-то другого из четверых я пока ни в чем не подозреваю, — сказал Ольхин. — Нет у меня пока никаких оснований подозревать кого-то конкретно. Поэтому считайте мой вопрос теоретическим.

— Я понимаю... — с прежними горькими нотками в голосе сказала Ласточка. — Что ж, коли так, поговорим в теоретическом плане. Да, я бы могла разузнать адреса всех моих боевых товарищей. Правда, на это ушло бы некоторое время, но могла бы.

— И как именно?

— Разными путями. Например, тайно проследить за каждым. Или хитро выведать в разговоре. Способов много, было бы желание. — Ласточка помолчала, о чем-то размышляя, и растерянно взглянула на Ольхина. — Слушайте, а ведь действительно... Это ведь так просто!..

— Предавать всегда просто, — сказал Ольхин. — В каком-то смысле... Это порядочным

человеком оставаться сложно. Особенно когда тебя ставят перед выбором. Ну, ладно. Значит, говорите, завтра ровно в десять на улице Старая, дом номер восемь?

— Да, — кивнула женщина.

— Вот там и встретимся, — пообещал Ольхин. — А пока что желаю здравствовать!

5

До завтрашнего утра и, соответственно, до встречи с подпольщиками на явочной квартире оставалось еще много времени. Да дело-то, в общем, было даже не во времени, а в том, что к этой встрече Ольхину надо было подготовиться. И не ему одному, но и всем другим членам его команды. Капитан Семен Ольхин был старшим группы фронтового СМЕРШа, и в его подчинении были еще три человека: старший лейтенант Александр Завьялов и лейтенанты Степан Волошко и Гиви Вашаломидзе. Все вместе они должны были разобраться в причинах гибели симферопольской подпольной группы «Салгир», а если говорить точнее, установить причины гибели и найти того, кто предал подпольщиков. То есть установить личность гестаповского агента-провокатора и, если он жив, изобличить и задержать его.

В том, что группу «Салгир» кто-то предал, у Ольхина после беседы с Ласточкой не остава-

лось никаких сомнений. Уж слишком явственным был след, оставленный предателем. И, так сказать, типичным. Все предательства, какими бы они ни были в смысле своей цели, всегда похожи одно на другое — как ты ни маскируйся и ни заметай следы. Вот и тут следы были видны очень даже отчетливо. Знать бы еще, кто их оставил.

Расставшись с Ласточкой, Ольхин собрал свою команду. Надо было посоветоваться. Совещались в трофейном автомобиле «Штовере», выделенном Ольхину и его подчиненным. «Штовер» — это было хорошо. Выехал на нем за город и совещайся на здоровье, говори о каких хочешь секретах. Кто тебя услышит в закрытом авто, да еще за городом?

Перво-наперво Ольхин ввел подчиненных в курс дела. Когда он закончил говорить, все какое-то время молчали, обдумывая полученную информацию.

— А ведь и в самом деле, — наконец нарушил молчание Степан Волошко, — тут поработал шпион. Уж я-то его чую на расстоянии!

— Э, что тут говорить! — поддержал Степана Гиви Вашаломидзе. — Понятно, что их кто-то предал! Кто-то свой, который был с ними рядом и всех знал!

Старший лейтенант Александр Завьялов не сказал ничего. Он вообще был человеком малоразговорчивым и говорил лишь тогда, когда не говорить было просто невозможно. Он лишь

молча кивнул, и это означало, что он согласен и со Степаном, и с Гиви. Да, подпольщиков кто-то предал. Похоже, кто-то из своих. Ну, да оно всегда так бывает, что предают именно свои. Чужому человеку кого-то предать трудно, даже если он этого и очень захочет.

— Я тоже такого мнения, — согласился Ольхин. — Остается определить круг подозреваемых и постепенно его сужать. Пока из подозреваемых не останется кто-то один. Словом, как обычно.

— А и определять ничего не нужно, — сказал Волошко. — Что тут определять? Факт, что предатель кто-то из тех, кто остался в живых.

— Ну, не такой это и факт, — впервые отозвался Александр Завьялов.

— Это почему же? — глянул на него Волошко.

— Его могли расстрелять вместе со всеми, — предположил Завьялов. — Что церемониться с предателем? Тем более накануне ухода из города? Сделал свое дело и ступай в расход. Это первое. Второе: его не расстреляли и он ушел вместе с немцами. Может такое быть? Может. А мог уйти и не с немцами, а какими-то своими путями-дорогами. Кто его станет искать в такой неразберихе? Кругом война. Это — три. Да если и найдут, так что с того? Скажет, что случайно спасся от ареста, как те пятеро. И попробуй докажи, что это не так. Это — четыре. Я считаю, что нам надо держать на прицеле все версии, а не замыкаться на одной.

— И все-таки у нас должна быть главная версия, — заметил Ольхин. — И она на виду. Да, конечно: его могли расстрелять сами немцы, он мог уйти — с немцами или сам по себе. Все могло статься. Но давайте поставим себя на место немцев. Зачем им убивать ценного агента или брать его с собой? Лучше оставить его здесь же, в городе, со специальным заданием. Разумно? С точки зрения немцев — да. Кстати, подпольщики считают точно так же. Так что если предатель жив, то он где-то поблизости.

— Значит, будем искать! — вздохнул Вашаломидзе.

— И с чего начнем? — спросил Волошко.

— Думаю, с завтрашнего посещения бывшей явочной квартиры, где соберутся подпольщики. Посидим, посмотрим на них, а они — на нас, — сказал Ольхин. — И поговорим, куда же без этого? А говорить будем один на один без лишних свидетелей. Их четверо, и нас тоже четверо. Каждому достанется по одному собеседнику. Потом встретимся и обсудим результаты этих душевных бесед. А уж как построить разговор — решайте сами.

— А как быть с пятым? — спросил Завьялов. — Их-то пятеро.

— Так ведь один из них куда-то пропал, — возразил Ольхин. — Так что четверо. Такой, значит, расклад.

— А если завтра объявится и пятый? — в свою очередь возразил Завьялов.

— Объявится — так посмотрим и на него, — пожал плечами Ольхин. — И поговорим. Хотя... Мне почему-то кажется, что он не объявится. Есть у меня такое предчувствие.

— У меня — тоже, — сказал Завьялов.

— Э! — взмахнул рукой Гиви Вашаломидзе. — Почему не явится? Так, может, он и есть предатель?

— Ну, это ты загнул! — покрутил головой Волошко. — По-твоему, если человек куда-то запропастился и куда-то не пришел, то, значит, он и есть враг? Ну и логика у тебя, товарищ лейтенант! Мало ли что у него могло случиться! Заболел, уехал в деревню за харчами...

— Так ведь дело-то какое! — не хотел сдаваться Гиви. — Предателя ищут! Значит, все должны быть в сборе! А он запропастился! Подозрительно!

— Сейчас они все одинаково подозрительны, — сказал Ольхин. — И те, кто присутствует, и тот, кто отсутствует. Хотя найти его, конечно, надо. Как говорится, живого или мертвого.

— Так давай искать! — Казалось, Гиви готов был выпрыгнуть из машины и немедленно броситься на поиски исчезнувшего пятого подпольщика.

— Ты что же, знаешь, где его искать? В какую сторону бежать? Как его зовут? Как он выглядит? — улыбнулся Ольхин. — Не беги впереди коня, скачи на коне, как говаривал мой дед-ка-

зак. Вот пообщаемся завтра с подпольщиками, тогда и примемся за поиски. Если, конечно, в этом будет смысл.

— Э! — махнул рукой Гиви, не найдя что еще сказать.

— Вот и хорошо, — проговорил Ольхин. — Итак, завтра. А пока распределим, кто с каким подпольщиком будет работать. Повторяю, их четверо. Клички — Стратег, Лихой, Абдулла и Ласточка. Трое мужчин и женщина. Я буду работать со Стратегом. Ты, Александр, — с Лихим. Семен, Абдулла — твой. Ну, а тебе, Гиви, как дамскому любимцу, я поручаю Ласточку.

— Почему это мне женщину? — не согласился Гиви. — Ты с ней сегодня работал, вот ты и продолжай!

— Э, нет! — покрутил головой Ольхин. — Тут есть хитрая задумка! Сегодня с ней работал я, завтра поработаешь ты. А потом мы сопоставим то, что она сказала мне, и то, что сказала тебе. Сравним и сделаем выводы. Это же наш старый прием! Разве ты не знаешь?

— Знаю, — сказал Гиви.

— Ну, а я пообщаюсь со Стратегом. Уж очень интересной личностью мне кажется этот Стратег. Ведь это именно он собрал всех уцелевших, и он затеял разговор насчет предателя в их рядах. Спрашивается, зачем? Может, потому что он честный человек и мысль о предателе не дает ему покоя. А может...

— «Держи вора!» громче всех кричит сам вор — так говорят у меня на родине, — усмехнулся Волошко. — Ты ведь это хотел сказать?

— В общем, да, — кивнул Ольхин. — Ну что, поехали обратно в город? Степан, заводи мотор!

6

Они сидели друг напротив друга — четверо оперуполномоченных СМЕРШа и четверо оставшихся в живых подпольщиков. Пятого подпольщика — Бильярдиста — не было.

— Вчера и сегодня утром я пытался его найти, — пояснил Стратег. — Да только где же его найдешь? Может, с ним что-то случилось?

Это был чисто риторический вопрос, на него не существовало ответа. Поэтому все присутствующие лишь шевельнулись, и в помещении опять установилась напряженная тишина. Разговор не клеился, и это было понятно и объяснимо. Людей, собравшихся на бывшей явочной квартире, разделяла незримая, но ощутимая преграда. Четверо из них были следователями, которым нужно было установить истину, а другие четверо, как ни крути, подозреваемыми: очень могло быть, что кто-то из них фашистский шпион и предатель, с помощью которого была уничтожена подпольная группа «Салгир». Какие уж тут душевные разговоры? То, что все

бывшие подпольщики, за исключением Бильярдиста, явились в условленное место, как и обещали, — это не было поводом для доверительных бесед. Эти люди были сейчас в таком положении, что им было лучше явиться, чем не явиться. Потому что на неявившегося падало дополнительное подозрение. Никому из четверых сейчас оно было не нужно — ни тем, кто был честен перед собственной совестью и памятью погибших товарищей, ни тем более тому, кто, возможно, был немецким шпионом.

— Вы были в группе старшим? — спросил наконец Ольхин у Стратега.

— Нет, — ответил тот. — Старшим был Карагач. Его арестовали и...

— Понятно, — сказал Ольхин и посмотрел на своих подчиненных. — Ну что, приступим? Разбираем собеседников, как условились, и вперед. Вас я прошу пройти со мной, — выстрелил он взглядом в Стратега. — Прогуляемся, пообщаемся...

Стратег, ничего не говоря, встал и направился к выходу. За ним вышел и Ольхин. Остальные расположились кто где. Гиви с Ласточкой остались в квартире, Волошко с Абдуллой уединились в «Штовере», Завьялов вместе с Лихим также отправились на улицу — в другую сторону от Ольхина и Стратега.

Какое-то время Ольхин и Стратег молча шли по улице, а затем Стратег сказал:

— Ноги у меня больные. Не могу долго ходить. Давайте где-нибудь присядем.

Ольхин кивнул, они свернули с тротуара, подошли к какому-то полуразрушенному зданию и уселись на кучу камня-ракушечника.

— Потому вы и на фронт не попали — из-за больных ног? — спросил Ольхин.

— Именно поэтому, — неохотно ответил Стратег. — Уж как я просил в военкомате в сорок первом! Возьмите, говорю, хотя бы в обоз! Нет, и все тут... Ну, а потом мне предложили повоевать в подполье. Конечно же, я согласился. Война, она ведь разная... Вот повоевал... — Он безрадостно усмехнулся. — Остался жив и зачислен в предатели...

Логическим продолжением разговора было бы уверение Ольхина, что никто пока не записывает Стратега ни в какие предатели, а просто ведется опрос всех оставшихся в живых подпольщиков, и что это необходимое дело, так как предатель, скорее всего, где-то поблизости, и если не побеседовать с подпольщиками, то как его найдешь? Но ничего такого Ольхин говорить не стал, он спросил совсем о другом:

— Почему вас не арестовали?

— Потому что меня в ту ночь не было дома, — ответил Стратег. — Кажется, Ласточка вам об этом уже говорила.

— Она говорила предположительно, — сказал Ольхин. — А мне нужен ваш точный ответ. Итак, где вы были в ту ночь?

— У одной старушки, — сказал Стратег. — Зовут Зухра. Живет по улице Физкультурников в доме двадцать три.

— Что вы там делали?

— Лечил ноги, — ответил Стратег. — Старушка — известная в городе травница. Это вам скажет любой. А у меня с наступлением весны с ногами просто беда. Вот, значит, и лечил... Дело это долгое, потому и задержался. А ходить вечером по улицам, когда комендантский час, — опасно, сами понимаете. Я и остался ночевать у старушки. В общем, повезло. — Стратег опять невесело усмехнулся.

— А где вы скрывались до прихода Красной армии?

— У Зухры и скрывался. Она подтвердит. Дом, где она живет, могу показать.

— А ваших близких, что же, немцы не тронули? — спросил Ольхин.

— Всех своих близких мы вывезли из города еще до прихода немцев, — пояснил Стратег. — Кого куда. Был приказ — никого из родных и близких в городе не оставлять. Семья — самое слабое место подпольщика, — грустно произнес Стратег. — Да оно и правильно. Как, скажите, воевать, когда родные рядом? А вдруг они проговорятся, а вдруг их арестуют?

— И где сейчас ваша семья?

— В городе Джанкое, — ответил Стратег. — Жена и трое детей. Где родня других подпольщиков — не скажу, потому что не знаю.

— Хорошо... Теперь вот какой вопрос. Ласточка говорила, что именно вы собрали всех оставшихся в живых подпольщиков после того, как город был освобожден...

— Да, я.

— Зачем? — взглянул Ольхин на Стратега.

— А вам что же, непонятно? — В ответном взгляде Стратега таилось недоумение. — Чтобы выяснить, кто предатель.

— Вы считаете, что таким образом это можно было выяснить?

— Я не знаю, — пожал плечами Стратег. — Таким или еще каким... Но ведь надо было что-то делать! Потому что предатель где-то рядом. Как же жить с этой мыслью? Вот и собрал уцелевших...

— Значит, вы уверены, что вас кто-то предал?

— Да и вы сами в этом уверены, разве не так? — В голосе Стратега послышалась ирония. — Иначе не было бы сейчас нашего разговора.

Они помолчали, невольно прислушиваясь к разнообразным городским звукам. Где-то лязгало железо, с другой стороны слышались людские голоса, на вершине дерева перекликались птицы.

— Я пытаюсь вспомнить... — сказал Стратег. — Были ли в городе при фашистах птицы? Хочу вспомнить и не могу. Не вспоминается. Может, и не было.

— Может, и не было, — согласился Ольхин. — Птицам ведь тоже нужны тишина, покой и мир. Оттого они и не прилетали.

— Да, наверно, — согласился Стратег. — Хотя, может, и прилетали. Да только нам было не до птиц. А сейчас — щебечут.

— Вы кого-нибудь подозреваете? — спросил капитан.

— Нет, — почти мгновенно ответил Стратег, помолчал и продолжил: — А кого подозревать? Некого... Все они на виду, как на ладони. Все честно боролись, не раз рисковали жизнями. Разве могут такие люди предать? Не могут.

— Ну, это может быть и маскировкой, — предположил Ольхин. — Враг хитер. Вот так вот запросто он себя напоказ не выставит. Он обязательно будет маскироваться, стараться изо всех сил казаться самым лучшим. Лучшие — они всегда вне подозрений.

— Я понимаю, — кивнул Стратег. — А только все равно не верится...

— А Бильярдист? — спросил Ольхин.

— Бильярдист, — не сразу ответил Стратег. — Бильярдист...

Ольхин не перебивал Стратега. Он молча ждал, что тот еще скажет о Бильярдисте. Но Стратег не говорил ничего. Он лишь молча покрутил головой, потер лоб, хмыкнул и ничего не сказал. Чувствовалось, что он о чем-то напряженно размышляет.

— Нет, — наконец сказал он. — И Бильярдист — тоже... Храбрый, исполнительный... Веселый. Да, веселый... Знаете, все мы постоянно были в напряжении, боялись оступиться и ошибиться. А он, похоже, этого не боялся. Он почти всегда улыбался. Даже в минуты опасности. Помню случай. Я, он, Карагач и еще один из наших проводили акцию. Нам нужно было взорвать склад с горючим. Все прошло замечательно, взорвали. Огонь — до самого неба, все трещит, клокочет, стреляет, немцы всполошились! Мы — ползком подальше, промеж камней, по расщелинам, потому что хоть и ночь, а все равно все вокруг видно. Пламя-то будь здоров! А он, Бильярдист, сидит прямо на виду и хохочет. «Прячься! — кричим мы ему. — Заметят!» Куда там! Поднялся в полный рост, еще и чечетку сплясал. И только затем схоронился за камнем. Веселый был человек. Храбрый.

— Был? — взглянул на Стратега Ольхин.

— Ну, это я так... — пояснил тот. — Вырвалось. Думаю, что с ним все в порядке. Где-то бродит. Гуляет, веселится. Теперь-то отчего не веселиться?

— Вы давно его знаете? — спросил Ольхин.

— Бильярдиста? Поменьше, чем остальных. Мы познакомились в сорок третьем.

— Расскажите об этом подробнее.

— Подробнее... Подробнее — получилось так. Его к нам прислали из партизанского от-

ряда. Мы поддерживали связи с партизанами, сами понимаете... Так вот, прислали, сказали, что он опытный и проверенный в деле подпольщик, а потому в городе пригодится больше, чем в отряде. Да откуда же он взялся, такой опытный, спросили мы? А, говорят, до этого он был в подпольной группе «Кара-Даг»...

— Это в той, которую немцы уничтожили в сорок третьем году? — уточнил Ольхин.

— В ней, — кивнул Стратег.

— Что же, гестаповцы арестовали не всех?

— Почти всех. Спаслись только он и еще несколько. Бильярдист каким-то чудом сумел уйти от немцев, скрывался в горах. Там и встретился с партизанами. Они его и передали нам. Сказали, чтобы мы в нем не сомневались — человек, мол, надежный. Он и вправду оказался надежным. А главное — удачливым. За что бы он ни брался, все у него получалось. Даже самые рискованные дела. И эта постоянная его улыбка. Широкая, красивая, озорная. Мне кажется, что он и спал с улыбкой. Веселый человек. Легкий, надежный.

— Он что-нибудь о себе рассказывал?

— Ну, мы старались ни о чем лишнем друг дружку не расспрашивать, — сказал Стратег. — Такова была инструкция, да и без инструкции все было понятно. Меньше знаешь — меньше скажешь под пытками, если тебя арестуют.

— Угу... — кивнул Ольхин. — Ну, а как ему удалось уцелеть, он не рассказывал?

— Рассказывал. Сказал, что убежал.
— Вот так просто взял и убежал?
— Не просто, а убив двоих или даже троих фашистов. Затем выскочил в окно. Немцы стреляли вслед, но не попали.

— И что же, вы поверили?

— А почему бы нам не поверить? — с недоумением спросил Стратег. — Какие у нас были причины, чтобы не верить? На войне всякое случается... К тому же он был перед нами как яичко, весь на виду. Мы все были друг перед другом на виду. Какие тут сомнения?

— А о своей довоенной жизни он что-нибудь рассказывал?

— Мне — нет, — сказал Стратег. — Может, кому-то другому... Хотя тоже вряд ли. Говорю же, мы старались ни о чем лишнем друг друга не спрашивать.

— Как его звали?

— Бильярдист, — усмехнулся Стратег.

— Но, может, он называл какое-то другое имя? — спросил Ольхин. — Допустим, ненароком проговорился...

— Может, и называл, — сказал Стратег. — Да только что с того? Имя можно и выдумать.

— Можно и выдумать, — задумчиво согласился Ольхин. — Все можно выдумать, даже собственную жизнь. От самого начала до конца. Скажите, а документик у вас с собой имеется?

— Какой документик? — не понял Стратег.